

• ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ •

Содержание

Апология «мелкотемья» (вместо введения) 10

I. Бладобритие в Преображенском

1. Последний день XVII столетия	34
2. Точка бифуркации русской истории?	43
3. Одна запись в дневнике Корба	49
4. «Ненависть от обиды»	58
5. Милость или опала?	63
6. Тайны Корба	66
7. Патриарх Адриан, книжники его круга и тексты о запрещении бладобрития	76
8. «По Образу Своему и по подобию»	100
9. «Ветхая» заповедь брадоношения	134
10. Апостолы и бладобритие	139
11. «Откуда бладобритие зачалось?»	142
12. Христианские мученики, за бороду пострадавшие	147
13. «На таковыя буди общая церковная клятва!»	151
14. Патриарх Иоаким и «контрреволюция» 1689 г.	155
15. Патриарх Адриан vs «младший царь»	169
16. Первое секретное донесение Гвариента	190
17. «Всесовершенное благочестию испровержение»	195
18. «Да истребятся обычаи поганские!»	219

II. Указ

19. «Ныне нам и государь брить бороды не запрещает!»	230
20. Загадка первого указа о бладобритии	239

21. «Как де у меня бороду выбреют, что мне делать?»	248
22. «...Итить в Преображенское царя обличать»	258
23. «Великому государю бить челом, чтоб бород не брить»	266
24. Убить Антихриста!	270
25. «Мы на книги шлемся, а выберем иного царя»	315
26. «Посацкие люди многие бороды бреют»	327
27. «С бороды деньги взяты»	345
28. Разные режимы брадоношения	373
29. «Бысть тишина о брадобритии»	398
30. «Подтвердить накрепко старой указ о бородах»	406

III. Как все начиналось (вместо заключения)

31. <i>Blackboxing</i>	412
32. Аномалии 1: <i>Eigensinn</i>	419
33. Аномалии 2: не только <i>Eigensinn</i>	427
34. «Расцементировка» событий	433
35. Конец Русского Мисопогона	439

Приложение № 1. [1686 г. марта 21 — 1687 г. июня 9.] — Проект постановления Освященного собора о запрещении брадобрития под угрозой отлучения от Церкви	441
---	-----

Приложение № 2. [1690 г. сентябрь.] — Проект Окружного послания патриарха Адриана в 24 «увещеваниях» с правкой Евфимия Чудовского	447
---	-----

Приложение № 3. [1692–1693 гг.] — Проект проповеди патриарха Адриана о греховности брадобрития, написанной братьями Иоанникием и Софронием Лихудами (Слово, «еже не брить брад по законом»)	464
--	-----

Приложение № 4. [1692–1693 гг.] — Проект Окружного послания патриарха Адриана с поучением о пагубности брадобрития и предписанием отлучения нарушителей заповеди брадоношения от Церкви (с правкой Евфимия Чудовского)	470
---	-----

Приложение № 5. [1698 г. июня 12.] — Коллективная челобитная мятежных стрельцов с изъяснением причин их выступления . . .	486
Приложение № 6. 1698 г. июня 17 (27). — Донесение австрийского посла Кристофа Игнаца фон Гвариента императору Леопольду I (<i>подготовка текста и перевод Е.А. Лисицыной и П.И. Прудовского</i>) . . .	495
Приложение № 7. 1698 г. сентября 2 (12). — Донесение Гвариента Леопольду I (<i>подготовка текста и перевод П.И. Прудовского</i>)	503
Приложение № 8. [1699 г. сентября 1 — 1700 г. января 18.] — Извет архимандрита Знаменского монастыря Иоасафа о юродивом Ивашке Нагом, заявившем о намерении обличать Петра I за то, что он «бороды бреет» и др.	510
Приложение № 9. 1700 г. августа 9. — Указ Преображенского приказа соликамскому воеводе В.Я. Новосильцеву о сыске «московского жителя» Г.В. Талицкого	512
Приложение № 10. [1701 г. ноября 15–19.] — «Покаянное исповедание» Г.В. Талицкого, обращенное к Петру I, с кратким изложением его учения об Антихристе.	514
Приложение № 11. 1750 г. января 31. — Справка Московской конторы Тайных розыскных дел с изложением основного содержания дела «о книгописце Гришке Талицком с товарищи», составленная на основе «статейного списка» при подлинном следственном деле Преображенского приказа	530
Приложение № 12. 1704 г. декабря 21–28. — Следственное дело Преображенского приказа о нижегородском посадском человеке Андрее Иванове, пришедшем в Москву обличать государя за то, что он «разрушает веру христианскую: велит бороды брить» и др.	551
Приложение № 13. 1705 г. января 16. — Указ Петра I о введении бородовой пошлыны (список 1726 г.)	554
Приложение № 14. 1705 г. марта 3. — Инструкция Приказа земских дел воеводе г. Ряжска Ф.Е. Козинскому о реализации указа Петра I о бородовой пошлыне от 16 января 1705 г.	556
Приложение № 15. 1705 г. июля 4. — Подтвердительный указ о бородовой пошлыне, подготовленный в Разрядном приказе для рассылки по городам	559

Приложение № 16. 1705 г. сентября 8. — Отписка в Сибирский приказ воеводы г. Тары М.И. Воронцова-Вельяминова об отказе городских жителей подчиняться царским указам о бородовой пошлине и немецком платье	561
Приложение № 17. 1706 г. сентября 2. — Память Посольскому приказу с сообщением именного указа Петра I от 28 августа 1706 г. об отмене установленной в 1705 г. пошлины «с крестьянских бород» за каждый проход через городские ворота	566
Приложение № 18. 1707 г. января 27. — Указ с объявлением похвалы стольнику Н.Б. Пушкину за предоставление информации о несоблюдении в г. Белёве царских указов о бородовой пошлине и немецком платье	568
Список сокращений	570
Опубликованные источники и литература	571
Указатель имен (<i>сост. Д.Д. Местковский</i>)	595

Размышляя, нашел я и иные ужасные свои деяния.

Ибо пришел я в свободный город,
который не мог выносить запущенных волос,
а я начал ходить небритым, с длинной бородой,
как те люди, что лишены парикмахеров.

Юлиан. Мисопогон («Ненавистник бороды»), 363 г.

АПОЛОГИЯ «МЕЛКОТЕМЬЯ» (вместо введения)

Борода — волосяной покров на нижней части лица.

*Толковый словарь русского языка
под ред. Д.Н. Ушакова, 1935 г.*

А я и жив не хочу быть, если у меня бороду обрить.

*Изречение крестьянина деревни Малые Горки
Костромского уезда Дениса Семенова, 1705 г.*

В июле 362 г. византийский император Юлиан приехал в Антиохию, намереваясь закончить здесь приготовления к военному походу в Персию, а заодно лично поспособствовать восстановлению язычества в этом легендарном, населенном потомками древних эллинов городе. Торжественно встреченный, император-философ, старательно выставлявший напоказ стоическое презрение к роскоши и развлечениям, вскоре оказался в состоянии конфликта с горожанами, которые стали сперва осторожно, а потом и вызывающе насмешничать над его грубыми манерами, внешним видом, а в особенности над его длинной неухоженной бородой¹. В конце концов Юлиан в марте 363 г. решил покинуть город и больше в него никогда не возвращаться, о чем объявил горожанам оригинальным

1. В то время, когда Юлиан стал императором, мода на бороду в Византии уже ушла в прошлое. Бородатый облик императора, являвшийся для самого императора «символом принадлежности к греческой культурной, в особенности философской, традиции», многими его современниками воспринимался как скандальное нарушение устоявшегося «династического имиджа». Над «козлиной бородой» Юлиана насмехались не только антиохийцы. См.: *Ведешкин М.А.* От «гречишки» до «молнии»: о многих прозвищах императора Юлиана // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2021. С. 180–183.

образом: император адресовал им сатиру, якобы направленную против себя самого, но в действительности исподволь обличавшую самих антиохийцев¹. По этому поводу Ф.-Р. Шатобриан писал: «В истории не было другого такого случая, чтобы человек, наделенный абсолютной властью, правитель, по одному знаку которого насмешников могли стереть с лица земли, удовлетворился тем, что ответил на пасквили памфлетом»². Свою сатиру, а вместе с тем и сам происшедший казус Юлиан назвал «*Μισοπόγων*» (*Μισολόγων*) — «Ненавистник бороды»³.

Спустя века «Мисопогон» (если под этим названием понимать конфликт властителя и его подданных по поводу брадоношения) повторился, но в совершенно ином историческом контексте и как бы наоборот. В конце августа 1698 г. русский царь Петр I вернулся в Москву из путешествия по странам Западной Европы. Пришедшие поздравить его с возвращением бояре были шокированы неожиданной выходкой: взяв в руки ножницы, государь принялся резать их длинные холеные бороды. С этого момента Петр не желал видеть бородачей в своем окружении. Некоторое время спустя последовали царские указы, предписывавшие обязательное брадобритие для большинства мужского населения Московского царства. Знаменитый преобразователь России вел борьбу с брадоношением в империи

1. См.: *Алфионов Я.И.* Император Юлиан и его отношение к христианству [2-е изд.]. М., 1880. С. 245–258, 413–417; *Кириллов А.Н.* Введение // Речь к антиохийцам, или Мисопогон («враг бороды») императора Юлиана / Пер. с греч. с введ. и примеч. Нежин, 1913. С. 3–12; *Gleason M.W.* Festive Satire: Julian's Misopogon and the New Year at Antioch // *The Journal of Roman Studies*. 1986. Vol. 76. P. 106–119; *Бенуа-Мешен Ж.* Император Юлиан, или Опаленная мечта / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М., 2001. С. 173–178.
2. Цит. по: *Бенуа-Мешен Ж.* Император Юлиан. С. 177.
3. Академическое издание с параллельным древнегреческим текстом и английским переводом см.: [*Julian.*] *The Works of the Emperor Julian*. With an English translation by Wilmer Cave Wright. Vol. 2. L.; N.Y., 1913. P. 420–511. Существует два русских перевода «Мисопогона»: [*Юлиан.*] Речь к антиохийцам, или Мисопогон («враг бороды») / Пер. с др.-греч. с введ. и примеч. А.Н. Кириллова. Нежин, 1913; *Юлиан.* Сочинения / Пер. с др.-греч., коммент. Т.Г. Сидаша. СПб., 2007. С. 251–292. В эпиграфе к книге использован перевод Т.Г. Сидаша.

до конца своих дней: последние распоряжения по этому поводу были сделаны им в середине ноября 1724 г.¹, всего за пару месяцев до его тяжелой болезни и смерти. Видимо, в истории не было других таких случаев, когда наделенный абсолютной властью правитель на протяжении четверти века осуществлял столь жесткое преследование бороды в своем государстве. Эта книга посвящена исследованию Русского Мисопогона.

I.

Н.И. Павленко в своей классической биографии «Петр I», изданной в серии «Жизнь замечательных людей» в 1975 г. и с тех пор выдержавшей девять изданий, характеризуя царскую инициативу о введении обязательного брадобрития, выражает некоторую досаду и удивление оттого, что ему приходится, вслед за своим героем, уделять так много внимания столь «ничтожному изменению внешности русского человека»². Действительно, вся эта история с брадобритием при Петре сегодня кажется неким историческим анекдотом, вряд ли достойным серьезного научного изучения. Автор этой книги, когда рассказывал о предмете своего исследования, не раз наблюдал на лицах собеседников снисходительную улыбку или выражение недоуменного разочарования. Некоторые благожелательные коллеги прямо выражали неодобрение длительному увлечению столь странной и вряд ли достойной серьезного ученого темой. «Конечно, можно написать одну статью, но не книгу!» — говорили одни³. «Это недиссертательно», — констатировали другие. «Неужели ты не понимаешь, что это мелкотемье!» — восклицали третьи.

1. См.: ПСЗ. Т. 7. № 4596. С. 368.

2. «Этому, казалось бы, ничтожному изменению внешности русского человека суждено будет сыграть немаловажную роль в последующей истории царствования Петра» (*Павленко Н.И.* Петр I [9-е изд.]. М., 2010. С. 64).

3. Впрочем, главный редактор одного серьезного международного журнала по русской истории отказался печатать даже статью о брадобритии при Петре I, сославшись на узость данной темы.

Действительно, стоит ли писать книгу о столь «мелкой» инициативе царя-реформатора, которой в биографиях Петра I редко посвящается более пары абзацев, а то и единственное примечание:¹ Отвечая на этот вопрос, предлагаю прежде всего задуматься: почему столь «ничтожное изменение внешности» подданных занимало такое важное место в политике Петра? Зачем царю понадобилось вводить обязательное брадобритие в самый напряженный момент Северной войны, когда реализация такой заведомо непопулярной инициативы грозила обернуться (и действительно обернулась!²) опасным внутренним напряжением? И почему противники брадобрития (этого «ничтожного изменения внешности») были готовы жертвовать жизнью (а некоторые действительно это делали) ради того, чтобы отстоять свое право на брадоношение или хотя бы получить возможность убедить царя в его неправоте? Размышляя над этими вопросами, мы должны будем признать: то, что представляется малозначительным для нас, не являлось таковым для Петра I и его современников. Это означает, что данная тема имеет хороший потенциал для выявления *инакости* людей конца XVII — первой четверти XVIII в., а это для меня является важнейшим свидетельством ее перспективности. Вспомним Роберта Дарнтона, который советовал проникать в другие культуры с помощью анализа непривычных и непонятных для нас представлений и практик:

На языке историков это может показаться банальным предупреждением против анахронизма, однако это предупреждение не грех и повторить, поскольку нет ничего проще сползания

1. Карло Гинзбург, размышляя о микроисторическом подходе на примере своей знаменитой книги «Сыр и черви», между прочим, писал: «Уменьшить масштаб наблюдения значило превратить в отдельную книгу то, что у другого ученого могло бы стать подстрочным примечанием в каком-нибудь монографическом труде о Реформации в области Фриуле» (*Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история: Сб. ст. / Пер. с ит. С.Л. Козлова. М., 2004. С. 300*).
2. Реализация указа о брадобритии 1705 г. спровоцировала самый крупный бунт времен петровского царствования — Астраханское восстание 1705–1706 гг. (об этом см. п. 28 в этой книге).

к удобному тезису о том, что двести лет назад образ мыслей и чувств европейцев полностью соответствовал современному — разве что с небольшой поправкой на парики и сабо. Чтобы избавиться от ложного ощущения, будто мы хорошо знакомы с прошлым, нам необходима постоянная встряска, необходимы терапевтические дозы культурного шока. <...>

Если нам непонятен смысл поговорки, шутки, стишка или обычая, — это верный признак того, что мы обнаружили что-то интересное. Пытаясь разобраться в наиболее загадочных местах документа, мы можем распутать целую систему смыслов. Эта нить способна привести нас даже к пониманию удивительного, совершенно не похожего на наше мировоззрения¹.

По этому пути пошел Карло Гинзбург, проникнув в неизведанные пласты народной культуры, оттолкнувшись от странных взглядов одного-единственного фриульского мельника XVI в., который использовал образы спелого сыра и зарождающихся в нем червей в качестве модели для объяснения происхождения ангелов². Но не являются ли столь же непривычными для нас представления русских людей конца XVII — первой четверти XVIII в., которые заставляли одних идти на смерть за банальную растительность на лице, других — не менее фанатично настаивать на обязательном брадобритии? Эти представления казались удивительными, открывающими таинственный мир прошлого уже в середине XIX в. Так, Ф.И. Тимирязев был поражен семейным преданием Нарышкиных, связанным с передававшейся из поколения в поколение с петровских времен семейной реликвией — шкатулкой, в которой на шелковой с вышитым крестом подушке покоилась чья-то длинная седая борода:

1. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры [2-е изд.] / Пер. с англ. Т. Добронлицкой, С. Кулланды. М., 2021. С. 7–8.
2. См.: *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с ит. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М., 2000.

Рассказ этот, по нашему мнению, до такой степени носит на себе отпечаток прошлого времени, со всеми его религиозно-мистическими и суеверно-поэтическими преданиями и понятиями, что представляется нам как бы страничкой, выхваченной живьем из истории XVIII века, и несравненно резче и рельефнее всякого исторического и научного исследования проводит бесповоротную грань между до-Петровскою Русью и современною нам эпохою. Достоин замечания, что наперекор, так сказать, естественному закону природы всякое прикосновение к старине, всякое, даже случайное, обращение к минувшему времени, по-видимому омертвелому и отжившему, как-то *освежает* современного человека. Ему приятно изредка окунуться в этот мир своеобразной, суеверной фантазии и непочатой, грубой поэзии и стряхнуть с себя подчас тот нестерпимый гнет, который наложила на него современная нам, всепоглощающая атмосфера реализма¹.

Эти необычные представления, составлявшие неотъемлемую часть «жизненного мира» людей Московского царства, которые побуждали их к еще более странным для нас действиям, послужат для меня своеобразной *point of entry*² для изучения сложнейшей и неповторимой эпохи, каковой являлось время Петровских реформ. В своем исследовании я исхожу из гипотезы, согласно которой противостояние сторонников и противников брадоношения находилось в эпицентре того культурного и политического взрыва, который уничтожил старую, Московскую, средневековую Русь и привел к формированию нового, имперского общества. Поэтому в ходе работы над этой темой я не терял надежды на то, что реконструкция этого нового Мисопогона позволит обнаружить неожиданный угол зрения на механику тех тектонических культурных, политических

1. *Тимирязев Ф.И.* Борода Тимофея Архипыча (из воспоминаний Е.А. Нарышкиной) // Русский архив. 1874. № 1. Стб. 613. Выделено автором. — *Е.А.*

2. См.: *Magnusson S.G., Szijarto I.M.* What Is Microhistory? Theory and Practice. L.; N.Y., 2013. P. 13.

и социальных изменений, которые происходили в России конца XVII — первой половины XVIII столетия.

2.

Есть и другая важная причина, по которой перспектива специального исследования брадобрития при Петре I представляется особенно заманчивой. Выдающийся знаток российских реалий второй половины XVII — первой четверти XVIII в. М.М. Богословский, характеризуя особенности петровского законотворчества, отмечал:

В Московской Руси при тех узких задачах, которые ставило себе государство и которые практически не шли далее внешней обороны, сбора средств на нее и суда для поддержания внутренней безопасности, законодательная норма касалась немногих сторон жизни частного человека, задевая их лишь постольку, поскольку это было необходимо для решения немногих и несложных государственных задач. Правда, государство в московскую эпоху ложилось тяжелым бременем на общество, привязав значительную его часть к повинностям службы или тягла, стесняя свободу этих служилых и тяглых элементов, запрещая им покидать свое состояние и менять род занятий, прикрепляя их к известной общине, сковывая самую общину порукой и, наконец, прикрепляя известную часть тяглецов не только к общинам, но и к отдельным лицам. Но в житейский обиход лиц, обязанных государственной повинностью, государство вмешивалось лишь в том размере, в каком это было нужно для обеспечения ее исправного несения. <...> Почти все, что государство делало для благосостояния подданных, состояло в той внешней и внутренней безопасности, которую оно им давало. Защитив их от неприятельского вторжения извне и от лихих людей внутри, оно считало свою задачу оконченной, предоставляя затем подданным самим устраивать свои отношения и самим достигать каких угодно степеней благополучия¹.

1. *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 1–2.

При Петре I эта традиционная матрица взаимоотношений государства и общества подверглась коренной ломке. Теперь государство стремилось осуществлять «надзор за частной жизнью каждого человека, войти в его дом, его семью, следить за его образом жизни, бытом, нравами, даже внешним видом»¹. Философские основания этих важнейших изменений ориентиров государственной политики хорошо исследованы². Но какая *повседневная практика* скрывалась за риторикой многочисленных и многословных указов и инструкций?³ Какими реальными ресурсами для проведения в жизнь своих многочисленных и претенциозных инициатив обладал царь и его агенты? Каким объемом автономии по отношению к власти обладали российские подданные в различных социальных и географических пространствах Московского царства? Думается, вряд ли все эти вопросы могут кому-то показаться малозначительными.

Но почему именно указ о брадобритии должен представлять особенный интерес для их рассмотрения?

Мне кажется, что вообще сложно найти другой микро-объект, который таил бы в себе столь потрясающие перспективы для изучения *природы власти* в петровской России. *Во-первых*, именно эта инициатива Петра I (какой бы анекдотичной она с первого взгляда ни казалась) затрагивала подавляющее большинство политически и экономически активного мужского населения, а значит, обеспечивает для исследователя максимально широкий социальный и географический охват. *Во-вторых*, это распоряжение Петра I, как никакое другое, пронизывало каждого отдельного индивидуума насквозь, в одинаковой степени как вторгаясь

1. Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 353.
2. См., например: Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. С. 1–25; Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943; Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 389–427; Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, 1983.
3. Постановку этой проблематики на примере Пруссии см.: Wakefield A. The Disordered Police State. German Cameralism as Science and Practice. Chicago, 2009.

в сферу частной и бытовой жизни, так и затрагивая глубоко укоренившиеся эстетические, гендерные, этнические и даже, не в последнюю очередь, религиозные представления¹.

Разумеется, в ходе исследования я имел в виду великие концепции власти, сформулированные М. Фуко, Р. Далем, С. Льюксом и др.², но при этом старался не придерживаться какой-то концепции специально. Иными словами, я сознательно исходил из «нулевой точки», то есть из позиции абсолютного незнания того, что есть власть в петровской России, кто и в каком объеме ею обладал, как происходило ее перераспределение и т.д. У меня имелось на вооружении только «социологически аморфное»³ определение Макса Вебера: «Власть — любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»⁴.

Это определение имеет важное методологическое следствие. Если исходить из того, что власть — это *возможность* одних акторов (А) навязать свою волю другим (Б) даже вопреки возможному сопротивлению с их стороны, это означает, что власть не есть некая объективная данность, она «не есть принадлежность индивидов, а существует *в отношениях* между ними»⁵. Следовательно, власть в петровской

1. См.: *Буслаев Ф.И.* Древнерусская борода // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 216–237; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862. С. 156–159; *Есипов Г.В.* Русская борода и немецкое платье // Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII века. Т. 2. СПб., 1863. С. 159–186; *Hughes L.* «A Beard Is an Unnecessary Burden»: Peter I's Laws on Shaving and Their Roots in Early Russia // *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross.* Munster, 2004. P. 21–34.
2. Я пользовался следующими аналитическими обзорами и справочниками: *Power: critical concepts* / Ed. by J. Scott. L., 1994. Vol. 1–3; *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001; *Encyclopedia of Power* / Ed. by K. Dowding. Los Angeles, 2011.
3. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. С. 27.
4. *Вебер М.* Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии. Т. I: Социология / Пер. с нем. Л.Г. Ионина. М., 2016. С. 109.
5. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. С. 27. Здесь и далее выделение при цитировании принадлежит мне, если нет специальных оговорок. — *Е.А.*

России следует рассматривать не как довлеющую над людьми силу государственных учреждений или политической идеологии, но как эмпирику реального взаимодействия конкретных людей, помещенных в их повседневный контекст.

Исходя из этих соображений, я рассматриваю и описываю взаимодействие различных акторов (как субъектов, так и объектов власти) вокруг петровской инициативы о запрете на брадоношение. При этом пытаюсь выявить, в каких пространствах (социальных и географических) существовала возможность одних акторов (А) навязать свою волю (запрет на брадоношение) другим (Б), на чем эта возможность основывалась, а также каковы были формы и обстоятельства сопротивления и способы обратного воздействия, то есть при каких условиях и каким образом акторы (Б) могли повлиять на акторов (А), заставив их отменить или скорректировать свои намерения.

Мое исследование в какой-то степени отвечает на призыв Э. Гидденса и Ф. Саттона (2017): «Политическая социология не может обойтись без понятия „власть“, но даже с учетом упомянутых пересмотров вряд ли будет достигнуто согласие по поводу того, что́ есть власть и как она действует. Возможно, в будущем, вместо того чтобы быть задействованным в теоретических спорах о природе власти, понятие получит *определение, почерпнутое из практики*, которое станет результатом исследовательской работы *с реальными случаями*»¹. Наводя свой «микроскоп» на один такой реальный случай, одну конкретную инициативу Петра I, которая по вышеописанным причинам представляется наиболее перспективной для изучения пространства власти, я старался держать в фокусе не отвлеченные концепции, а *действия конкретных людей*, порождающие различные отношения подчинения или сопротивления.

Итак, Русский Мисопогон — это, с одной стороны, попытка вскрыть культурную, социальную и политическую инакость российского общества конца XVII — начала XVIII в.

1. Гидденс Э., Саттон Ф. Власть // Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М., 2018. С. 300.

а с другой — экспериментальное изучение пространства российской власти петровского времени в действии. Эти *две перспективы*, хотя они тесно взаимосвязаны и переплетаются между собой, последовательно реализуются в *двух разделах книги*.

3.

Подданных московского царя, объединенных общими религиозными и культурными ценностями, которые составляли единый политический и культурный ареал и среди которых обычай брадоношения в XV–XVII вв. играл существенную роль в этнической, культурной и религиозной идентичности, я называю «*московитами*». И здесь следует сделать важное пояснение.

Как известно, люди, о которых говорится в этой книге, чаще всего называли себя «русскими людьми», и, видимо, правильное было бы именовать их именно так. Термин «москвиты» использовался внешними, инокультурными, чаще всего недоброжелательно настроенными западноевропейскими наблюдателями. Причем в термин «москвит», изобретенный в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в., был изначально заложен определенный политический смысл: отказ признавать за московским государем право на воссоединение под своей властью всех земель с преимущественно русским и православным населением¹. Конечно, при использовании термина «москвиты» я не имею в виду все эти актуальные для XVI–XVII столетий значения, тем более не вкладываю в него того уничижительного оттенка, который нередко подразумевался внешними наблюдателями-современниками. Для меня этот термин важен как создающий *эффект отстранения*, позволяющий установить и выдержать *культурную дистанцию*².

1. См.: *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 83–86.

2. См.: *Гинзбург К.* Отстранение. Предыстория одного литературного приема // Гинзбург К. Деревянные глаза: Десять статей о дистанции / Пер. с ит., фр., англ. М. Велижева, С. Козлова, Г. Галкиной. М., 2021. С. 17–62.

Очевидно, самоназвание «русские люди», сохраняющее актуальность для определения этнической и политической идентичности, лишено такого отстраняющего эффекта. Но, что самое главное, самоназвание «русские люди» не позволяет нам четко ограничить тот культурно-политический регион, в котором брадоношение в XV–XVII вв. играло важную роль в этнической, культурной и религиозной самоидентификации. Известно, что у малороссов отношение к брадобритию было совершенно иным¹. Итак, выделенное для исследования поле названо «Русский Мисопогон» (а не «Российский») вовсе не случайно.

Важно также заметить, что сам Петр I, который после путешествия в Западную Европу в 1697–1698 гг. получил уникальную возможность посмотреть на свое царство «деревянными глазами» (К. Гинзбург), то есть с определенной культурной дистанции, сам называл своих подданных «московитами». Итальянский оперный певец Филиппо Балатри, который провел три года (1698–1701) при петровском дворе², а затем описал свой уникальный опыт в воспоминаниях, рассказал, как в один из зимних дней конца 1700 или начала 1701 г. он застал царя в Немецкой слободе, в доме одного флорентийского купца. Петр сидел в одиночестве и читал какую-то голландскую книгу. Увидев вошедшего певца, царь поприветствовал его словами:

Вот место, куда приходит Петр Алексеевич, когда он хочет оставить царя при дворе, и вот дом, где, устав от ученья и трудов, я обыкновенно провожу несколько часов с удовольствием;

1. См., например: *Михневич В.О.* История русской бороды // Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни. Т. 2. СПб., 1882. С. 38–45.
2. Подробнее см.: *Кафенгауз Б.Б.* Записки Филиппо Балатри о России при Петре I // Старая Москва: Статьи по истории Москвы XVII–XIX вв. Сб. 1. М., 1929. С. 95–108; *Герасимова Ю.А.* Воспоминания Филиппо Балатри — новый иностранный источник по истории Петровской России (1698–1701) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 27. М., 1965. С. 164–190; *Сальво М.* Кастрат Петра Великого: Филиппо Балатри в Московии (1699–1701) // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 430–439.

дело в том, что тут можно без смехотворной щепетильности и не возмущая слабых съесть вместе с неверными (и в полной свободе) хорошо приготовленное блюдо. *Нужно время и терпение, и скоро вы увидите совсем других москвитов.* Садитесь же¹.

Несомненно, здесь мы имеем дело с авторской интерпретацией Балатри, который для обозначения российских подданных всегда пользовался только одним термином — «москвиты». Нельзя забывать и о том, что певец писал свои воспоминания много лет спустя, а потому все диалоги, которые он воспроизводит, являются не стенографической записью, а его собственной реконструкцией. Но для меня важно, что использование Петром I термина «москвиты» в принципе нельзя исключать. Действительно, царь часто бывал в Немецкой слободе, общался с иностранцами и вполне мог усвоить этот дискурс, позволяющий смотреть на российских подданных как бы со стороны, с определенной культурной дистанции. «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами!» — такую фразу услышал из уст рассерженного Петра I австрийский посланник Кристоф Игнац фон Гвариент всего несколько дней спустя после возвращения царя из Великого посольства². Противопоставление Петра и «москвитов» введено в название книги намеренно.

Материалы фискального учета податного населения, административного учета различных категорий служилых людей и других источников показывают, что в Московском государстве в 1678 г. (не считая населения недавно присоединенной Левобережной Украины) было около 4,8 миллиона мужчин, а к 1719 г. их число увеличилось до 6,8 миллиона

1. *Balatri F. Vita e viaggi / A cura di Maria Di Salvo. Alessandria, 2020. P. 112–113.* Здесь я пользуюсь русским переводом А.Ю. Терещенко и П.И. Прудовского, который скоро будет опубликован в серии «Новые источники по истории России: Rossica Inedita» университетского издательства НИУ ВШЭ. Благодарю П.И. Прудовского, обратившего мое внимание на этот фрагмент.
2. Цит. по: *Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 2008. С. 209.*

человек¹. Каждый представитель взрослой части мужского населения был в той или иной степени затронут борьбой с брадоношением. Так называемые царедворцы (менее 0,2% мужского населения²) сперва выступали в роли объектов власти царя, но потом сами должны были проводить в жизнь его распоряжения, сообразуясь с местными условиями. От их действий в значительной степени зависели формы поведения различных групп горожан (не более 5%³). Составлявшие подавляющее большинство населения Московского государства крестьяне (более 90%⁴) были, как известно, по петровскому указу 1705 г. освобождены от обязательного брадобрития. Однако это вовсе не означает, что деревенские жители остались за рамками нашего рассмотрения: ведь каждый приезжавший в город крестьянин должен был платить специальный «бородовой сбор», что приходилось делать очень многим, наиболее активным представителям сельских обществ. Возвращавшиеся из городов крестьяне рассказывали о происходящем остальным, вовлекая их в общественное обсуждение этой актуальной и всех волнующей темы. Петровский указ также не распространялся на представителей духовенства, однако церковники, хотя и составляли не более 3% мужского населения⁵, играли важнейшую роль во всей этой истории: будучи наиболее образованной частью общества, они были хорошо знакомы с каноническими текстами о запрещении брадобрития и выступали в роли адептов соответствующих взглядов и форм поведения. Женская половина общества,

1. См.: *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII— начале XVIII века. М., 1977. С. 192–193; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII— первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 164–165.
2. По данным, которые направлялись из Разрядного приказа в Ближнюю канцелярию, в 1701 г. числилось 7704 носителя «московских чинов»: стольников, стряпчих, дворян и жильцов. См.: РГАДА. Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты). Оп. 3, Д. 24. Л. 250. В 1702 г. таковых насчитывалось 7402 человека. См.: Там же. Д. 75. Л. 291.
3. См.: *Водарский Я.Е.* Население России... С. 134.
4. См.: Там же.
5. См.: Там же. С. 90.